

ОГОНЕК



ВОРОБЕЙ.

Фото-этиюд В. П. Микулина

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, Бла-
говещенский пер., 3. Тел. 4-80-08, 86-77. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В. Дмитр., 17,
пер. 57. Тел. 41-38. Телеграф. адрес: «Москва ОГОНЕК». Тариф
объявл.: 1 стр.—40 черв., 1/4 стр.—20 черв., 1/4 стр.—10 черв.,
1 строка монш. в 1 кол.—60 черв. коп. На обложке—на 50%
дешевле. Среди текста—в 2 раза дор. Сверхтарифа—15%, налога.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 11—5 ч.

ОГОНЕК

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: за один месяц—50 к. На год, считая
с 1 апр.—5 р. За прежние месяцы—по 70 к. Допускается
рассрочка в 3 срока: до 1 апр. 2 руб., до 1 июля 2 руб.,
и до 1 авг. 1 руб. За границу: на 1 мес.—35 цент. 1 экз.—
10 цент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка
на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во
всех отделениях и агентствах Госбанка.

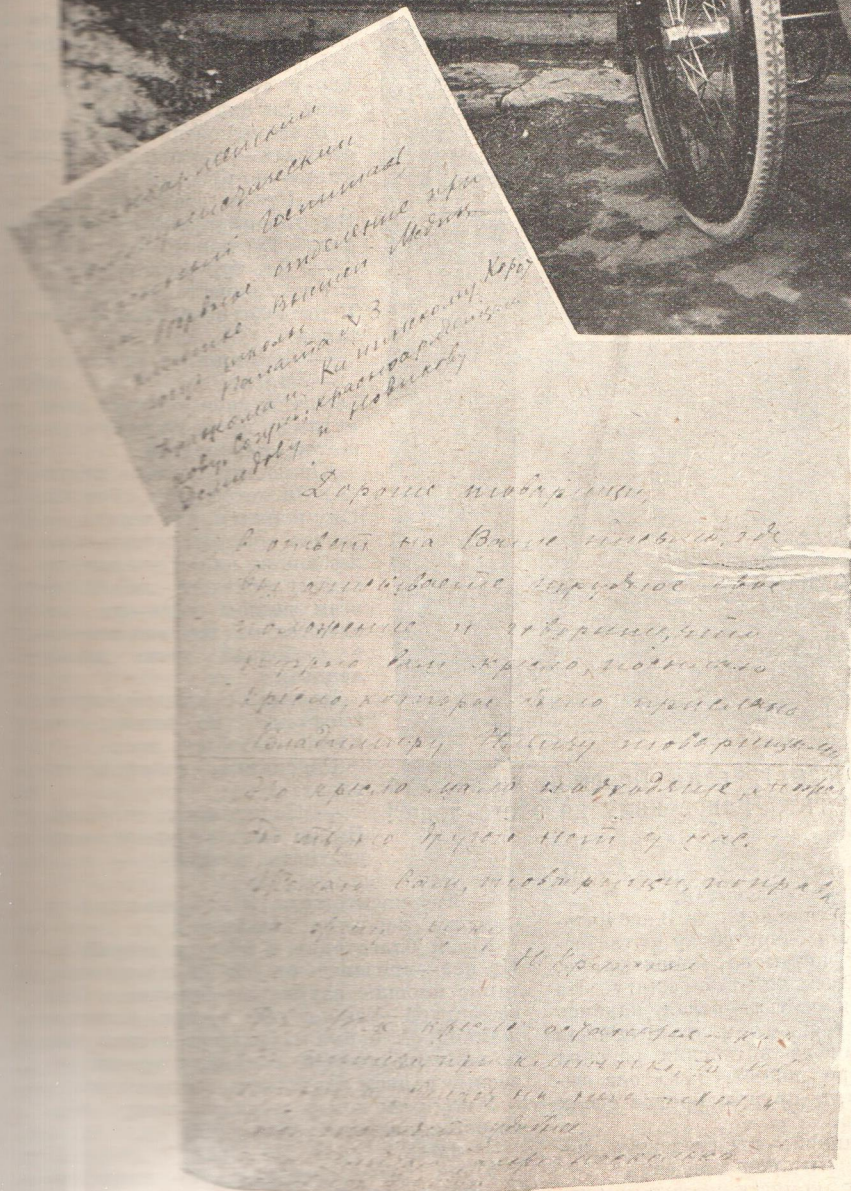
№ 16 (55).

13-го апреля 1924 г.

№ 16 (55).

Кресло Ленина

Фот. Ж. Мартова.



Красный командир Н. Коротков в кресле В. И. Ленина у
двери нервного отделения госпиталя.

Недавно, тяжело-больные, первого коммуни-
стического госпиталя—два краскома и три красно-
армейца—написали письмо Надежде Константи-
новне Крупской, обрисовав свое тяжелое положе-
ние и указали на необходимость кресла, которое
избавит санитаров от лишней работы по переноске
больных.

10 марта авторы письма получили от Надежды
Константиновны кресло-коляску английской работы,
пять томов сочинений Владимира Ильича и письмо
следующего содержания.

«Дорогие товарищи! В ответ на ваше письмо,
где вы описываете трудное свое положение и гово-
рите, что нужно вам кресло, посылаю вам кресло,
которое было прислано Владимиру Ильичу това-
рищами. Это кресло, мало-подходящее, может быть,
но другого нет у нас.

Желаю вам, товарищи, поправки и жму руку.

Н. Крупская.

Р. С. Посылаю также несколько томов сочинений
Влад. Ильича».

Такая быстрая отзывчивость, чисто материнское
отношение Надежды Константиновны тронули красно-
армейцев и они тотчас же вручили посланному
Надежды Константиновны ответное письмо следую-
щего содержания:

«Дорогой товарищ, Надежда Константиновна!
Кресло и книги получены. Выражаем свою горя-
чую беспредельную благодарность за заботу и чи-
сто материнскую отзывчивость.

С товарищеским приветом благодарные Корот-
ков, Каминский, Созунь, Демидов и Новиков».

О кресле заговорил весь госпиталь.

Краском Н. Коротков.

ВЕСЕННЯЯ ПОВЕСТЬ

Ефима Зозули

(Продолжение) *)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В небольшом вестибюле сидит баба в белой кофте—швейцариха и пьет чай. Вокруг нее, на столике, табурете, на полу и на стенах—та печальная смесь из грязи, сырости, пыли и плохого освещения, которая сразу вызывает гнетущую скуку. Лицо у бабы бледное, с кожей отстающей, как обои в сырой комнате.

Она, чего доброго, станет спрашивать, куда он и зачем. Но она не замечает его, и Юрий—на лестнице. И прекрасно! Сам он никого не будет спрашивать. У него есть опыт. Он знает, что лучше поменьше спрашивать, останавливаться, медлить. Он подымается по лестнице. Хорошо.

Но что дальше? Вот площадка. Из открытых дверей вниз идут студенты: китайцы, японцы, персы, турки. Да, и турки. Юрий волнуется. На него сверху поглядывают. Несомненно, какой-нибудь дежурный по общежитию или староста подойдет к нему и спросит, к кому он пришел, что ему угодно и так далее.

Что он ответит? Он ищет турчанку. Но ее имя, фамилия? И вдруг спазма раздражения: ну, а если он забыл ее фамилию? Какое кому до этого дело?! Ведь, не тысячи же турчанок в университете! Их там человек двадцать-тридцать! Так будьте любезны показать всех! А он найдет ту, которую ищет. Вот и все.

Юрий сжимает челюсти и продолжает подниматься. Но на пятой ступеньке челюсти разжимаются—план рушится: глупо! Кто ему станет «показывать» турчанок? Он не на парад пришел. Взор!

Однако, теряться нельзя. Мишка Сегаль не растерялся бы. Перед глазами яркий образ Мишки. О, нет, он не растерялся бы. Когда Мишка Сегаль ехал в 19 году в Москву из Новозыбкова, он телеграфировал по линии: «Едет товарищ Михаил Сегаль».

— Что ты делаешь?—спросил Юрий, который тоже тогда среди десятков тысяч пробирался на север,—ты с ума сошел. Какая наглость!

— Это на всякий случай. Не повредит,—ответил Мишка.—Будут думать, что Михаил Сегаль—важное лицо.

Мишка никогда не теряется. И он, Юрий, тоже не будет теряться.

Он взбегает по лестнице, входит в общежитие.

Большая комната. В центре простые некрашеные столы. Вдоль стен—койки. Между койками—ночные столики. На столах, столах и койках—вниги, книги, тетради, карандаши. Налево коридор. По коридору опять комнаты—поменьше. Многие двери открыты. Юрий деловито шагает. И его никто не останавливает. Как хорошо!

Почем им знать, кто он? Может быть, и он студент? Ведь, общежитий коммунистического университета трудящихся Востока в Москве семь. Семь домов! Может быть, он из другого дома пришел навестить товарища?

Однако, коридор кончен. Юрий прислоняется к подоконнику с видом человека,

девушка другой национальности, повидимому, японка.

А вот еще одна, за столом-же, возится со сковородкой. Она только что принесла ее и быстро сгавит, почти бросает на стол: сковородка горяча—повидимому, обожгла пальцы.

Но кто эта девушка? Как будто что-то знакомое в ней. Да, что-то знакомое... Сейчас она повернется. Вот, поворачивается. Ах, это та, которая вчера на собрании произнесла речь на персидском языке... О положении женщины в Персии... А тот длинный авантюрист переводил с пафосом...

Она берет сковородку, но прихватывает ее газетной бумагой и выходит из комнаты. Юрий заслоняет ей путь и спрашивает:

— Скажите, товарищ, вчера вечером я слышал вашу речь на собрании. Там была еще одна... Она не выступала, но, говорят, она тоже хороший оратор... Она говорит по-турецки... Она турчанка... Вы не знаете ее? Я могу вам описать ее наружность...

Персиянка слушает его озабоченно и недоумевающе.

Юрий смотрит на нее и вдруг тревожится: да понимает ли она по-русски?

В это мгновение персиянка отвечает—совершенно грамотно—по-русски:

— Кто же это может быть? Вы говорите, она не выступала? Турчанка?

— Да, турчанка. Она носит на голове такое черное... У нее губы особенные, излом такой...

— Фамилии ее не знаете?

— Нет... Она думает, опустив лицо и глядя на свою руку с зажатою сковородкой.

Юрию мучительно неловко. Он готов уйти, бежать. Ему кажется, что персиянка сейчас расхохочется—ведь любовь по какому-то дикому закону смешит людей на всем земном шаре—все, все смеются над тем, как мечется в любовной тоске влюбленный.

Правда, в данном случае несколько не видно, что Юрий—влюблен, но...

Персиянка, наконец, говорит:

— Повидимому, это Саид. Вы не были в комнате номер двадцать четыре?

— Нет. — Так идемте туда. Я как-раз иду в ту сторону. Вероятно, это она.

Юрий благодарит и идет за девушкой. На ней—прозаические юбка и кофточка, такие плоские заурядные ботинки... Вся ее фигура—узкоплечая, тощая, кажется жалкой. А буйная, большая голова так не вяжется с тощей спиной, и черные чудесные волосы таинственны и поэтичны.

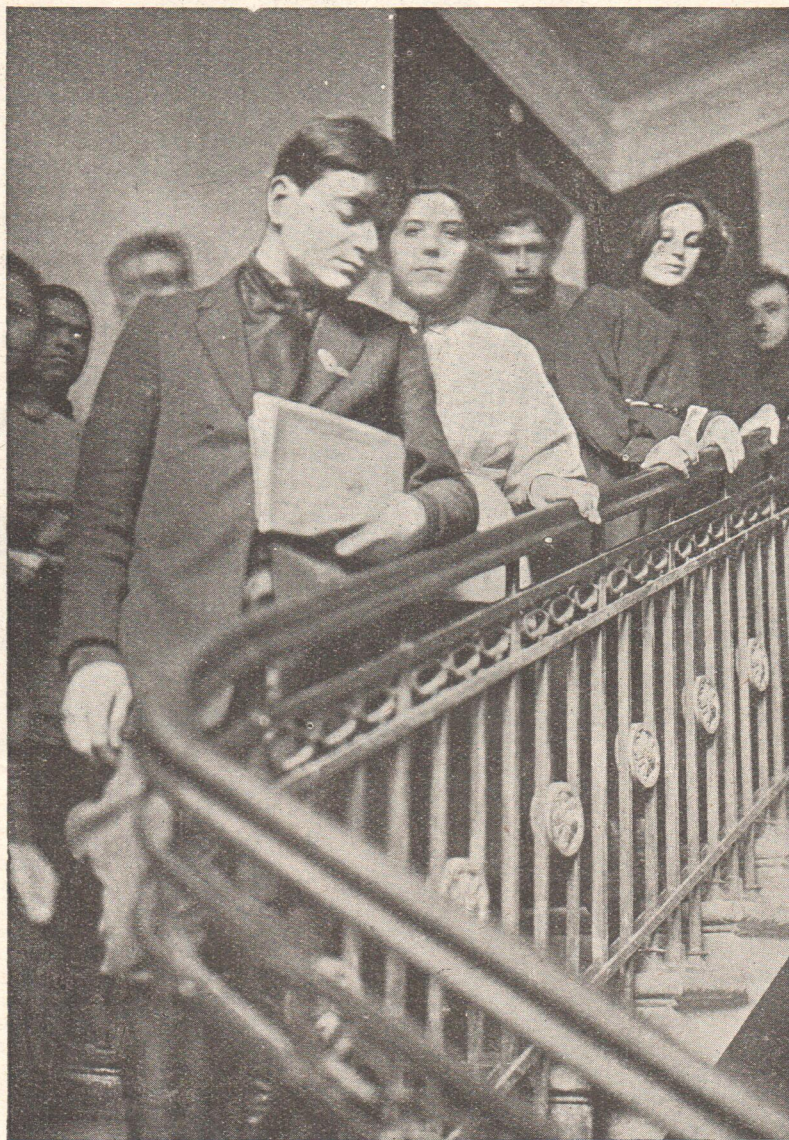
У комнаты номер двадцать четыре она, не останавливаясь, говорит:

— Здесь.

Юрий хочет постучать, но дверь открывается, и—Юрий останавливается в изумлении: из комнаты выходит Николай...

— Ты?!!

... из открытых дверей вниз идут студенты коммунистического университета Востока: турки, персы, китайцы,



японцы... На него сверху поглядывают. Почем им знать, кто он? Может быть, и он студент... Какое кому до этого дело?!

который ждет кого то. Перед ним открытая дверь женского общежития.

Это большая, светлая комната. В ней пять-шесть кроватей. На одной сбоку уютно сидит, судя по лицу, китайка, миниатюрная, худенькая и читает толстую книгу. На стене, над ее кроватью—белая надпись на красном полотне:—о том, что китайская армия, состоящая из китайских рабочих и крестьян скоро поймет, кого она защищает и обратит оружие против своих классовых врагов.

Рядом с китайкой,—две студентки, несомненно, турецкого происхождения.

Значит, в этой комнате живут и турчанки?!

Но так ли это? Вот идет из угла к центру, к столу,

— Я,—таким же тоном, передразнивая, отвечает Николай.

— Как ты сюда попал?!

Николай смеется:

— Я то здесь часто бываю. У меня тут знакомые... Я и на собрание вчера пошел, чтобы повидаться с ними. Но ты как сюда попал? Неужели пошел искать турчанку? Ну, знаешь ли, я не знал, что ты такой парочий...

— Турчанку зовут Саид?

— Да, это ее фамилия—вернее, псевдоним. У них тут, почти у всех, псевдонимы. Однако, ты и фамилию узнал!—Знаешь-парень!

Юрий смотрит в глаза Николаю и всем существом хочет спросить:

— Она здесь?

Но—не спрашивает; стоит, растерянный, ошеломленный, покрасневший и нежный.

Николай тоже расстроен. Нет в нем обычного спокойствия, насмешливого, дерзкого вида.

— Идем сюда,—предлагает он хмуро и отводит Юрия к подоконнику.

— Так ты, оказывается, не только болтал, а действительно, пошел искать Саид...—говорит Николай, но на этот раз даже без тени насмешки, а черезчур серьезно, задумчиво и печально.

И вдруг оживляется:

— Если вдуматься—это очень, очень, страшно! Понимаешь, я тебе откроюсь: я давно влюблен в Саид! Да это и понятно: ведь, мимо нее не пройдешь равнодушно. Я и ты—не первые и, конечно, не последние. Я, право, не могу признать человека, который прошел бы мимо нее и не был бы задет этим чудовищным обманом, этой острой, смертельной красотой... Но не в этом дело... Меня удивляет вот что. Понимаешь, мы в Москве, этих восточных студенток—больше тысячи человек... И, понимаешь, какой из них, мужчин, имеет дело с ними — русских женщин—они же как-то странно обходят своих товарок по университетам... от нас, русских... удивительно... Впрочем, и сами студентки—не спрашивают ли, по особому ли плану — избегают знакомства и тем более обниматься с нами, русскими... У меня тут немало врагов... Уже и женщины, на возможность знакомства, даже успехом у Саид не пользуются никаким... Не знаю, что за женщины... В свободное время они ездят в деревню—у них там подворья есть, и они работают с русскими бабами, которые учат их в том, что касается хозяйства; в махачевской России на русский язык женщина Россия должна быть работать... Мне об этом рассказывали студентки... Но не знаю, как с русскими бабами по-настоящему дружат, и особенно, когда получают заказы на переводы... Саид иногда ездит туда же...

... сейчас к нему подойдет какой-нибудь дежурный по общежитию или староста и спросит—к кому он пришел,

что ему угодно и так далее. Что он ответит? Он ищет турчанку. Но ее имя, фамилия?.. А если он забыл ее фамилию?

— Ужасно,—шепчет Юрий.

— Да, ужасно. Но она будет здесь вконец.

— Вконец? — машинально повторяет Юрий.

— Простите, мне нужно спускается на лестнице. На площадке—она слышит шум, гудит и слышит музыку—это с лестницы.

— Так вот почему сегодня,—шепчет Николай.— Хочешь посмотреть? У меня там есть знакомые, а даже приглашен. Пойдем на лекцию к нему.

Вечеринка—небольшая. Но все же человек двадцать беснуется и пляшет—между сидящими вокруг на полу. Танцуют, главным образом, девушки...

Юрий и Николай, не входя в комнату, смотрят в открытую дверь.

Танцуют...

Так танцевали в России в 1918 году, когда шли на танцы под выстрелами. Так танцуют сейчас... Они неутомимы... Ритм кружения захватывает — желтолицых, бронзовых и смуглых—так же, как и белолицых. Растительная мудрость тела одинаково связана с немой строгостью сомкнутых уст могучей легкостью движений...

Как они крепки, эти маленькие девушки! Миры качаются в крепости их бедер. Куски будней—далеких и таинственных—волочатся за юбками, за взмахами ног, в кружевах панталон. Мировое целомудрие дышет в ритмичной разнузданности движений, в опущенных глазах, в трепещущих волосах... Танцует пестрая многоликая и разноликая человеческая страсть, прекрасная человеческая весна...

Глава Четвертая.

Юрий лежит на диванчике и смотрит на шагающего по комнате Николая. Николай угрюм и задумчив.

Еще только час тому назад он, смеясь, рассказывал Юрию, что академик Коржинский был во время царизма дарвинистом, но так как дарвинизм был не в чести, то он превратился в антидарвиниста и немедленно получил денежное вознаграждение из собственной его величества канцелярии для продолжения своих научных трудов.

— Да, ловко,—засмеялся и Юрий.

— А в Советской России антидарвинисты добровольно перекрашиваются в дарвинистов,—добавил Николай, и вдруг—увял. Беседа прекратилась.

Николай шагает по комнате.

Юрий перебирает в памяти впечатления последних двух дней—впечатления, ставшие для него неожиданно-острыми. Николай в его глазах—другой. От обилия впечатлений он устает, усталость рождает цинизм, и ему хочется сказать Николаю колкость... У него на языке:

— Так, вот, значит, как ты говорил, Николай—мотылек, да? Реет, да? Перед другим мотыльком, да? Перед комаром? Да? Но он не говорит этого.

И—вдруг—неожиданно для себя—громко и смело—просит:

— Коля, милый! Ты ее знаешь! Ты с ней знаком—скажи, расскажи, что она собою представляет...

Юрию уже нисколько не неловко говорить о девушке. За последние два дня он столько раз смущался, терялся, краснел и внешне и внутренне, что теперь все стерлось, и слова—сами собою—открытые и ясные—срываются с уст.

Ему кажется, что Николай уклонится от разговора, но он ошибается.

Николай останавливается, думает и говорит:

— Понимаешь, как тебе сказать... — Одну минуточку: как ты с ней разговариваешь? Ведь и ты не говоришь по-турецки, насколько я заметил... При помощи переводчика?..

Вопрос Юрия, помимо его воли, получается ироническим, но он выражением лица скрадывает могущую получиться неловкость.

— Нет, в самом деле, как ты с ней разговариваешь?

— Да очень просто, сам не знаю, как... Она знает много русских слов... Потом—миимкой... Я один раз был с ней в кинематографе, один раз в театре... Впрочем, не помню, как я говорил с ней... Это—ослепительное существо... Или всем такой кажется женщина, если она нравится? Как-будто нет... Я видел... Как-будто люди относятся спокойнее... А, впрочем, не знаю. Она выдающийся оратор. У нее речь—стремительная, сильная и в то же время мягкая, женственная... Повидимому, она станет серьезным политическим деятелем. Она и сейчас довольно известна в Турции... Ее часто вызывают по партийным делам, она уже раз уехала в Турцию для выполнения серьезной партийной работы... Затем... Что еще?.. Когда она улыбается—гуманитас голова... От нее идет что-то такое... Ее платье, ее вещи, ее книги—все особенное... Она, конечно, и хитра... Мне непонятна ее ласковость, вежливость... Или это—восточное? Я, например, ей нисколько не нужен, но она не гонит меня... Однажды она—ты прав—действительно позвала переводчика и подробнейшим образом проанализировала меня и буквально замутила вопросами... И о рабфаке, и о деревне, и о заводе, и о чем только она не спрашивала и на что только не требовала подробнейших ответов! Вот, послезавтра, пойдем к ней—и ты увидишь и узнаешь ее поближе...

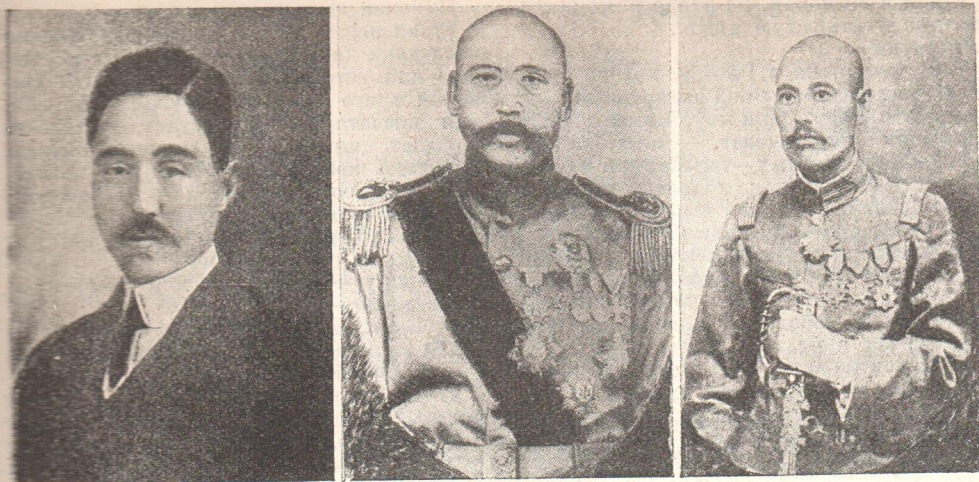
— Послезавтра?!? — вырывается у Юрия.

Ефим Зозуля.

(Окончание следует).



что ему угодно и так далее. Что он ответит? Он ищет турчанку. Но ее имя, фамилия?.. А если он забыл ее фамилию?



Слева — направо: Ван-Чен-Тинг, иначе доктор Ван, популярный общественный деятель, американец по образованию, один из вождей культурного Китая, заключивший по полномочию китайского правительства договор с Л. Караханом.

Цзао-Кун, начавший свою карьеру простым солдатом, а ныне президент китайской республики; с его ведома велись все переговоры о восстановлении нормальных отношений между СССР и Китаем.

У-Бей-Фу, наиболее популярный среди многочисленных китайских генералов, герой освободительной гражданской войны в Китае, один из «хозяев Китая» и командующий наиболее многочисленными и дисциплинированными военными частями; он послал Цзао-Куну и пекинскому кабинету шесть телеграмм с протестом против действий по отношению к СССР и т. Карахану.



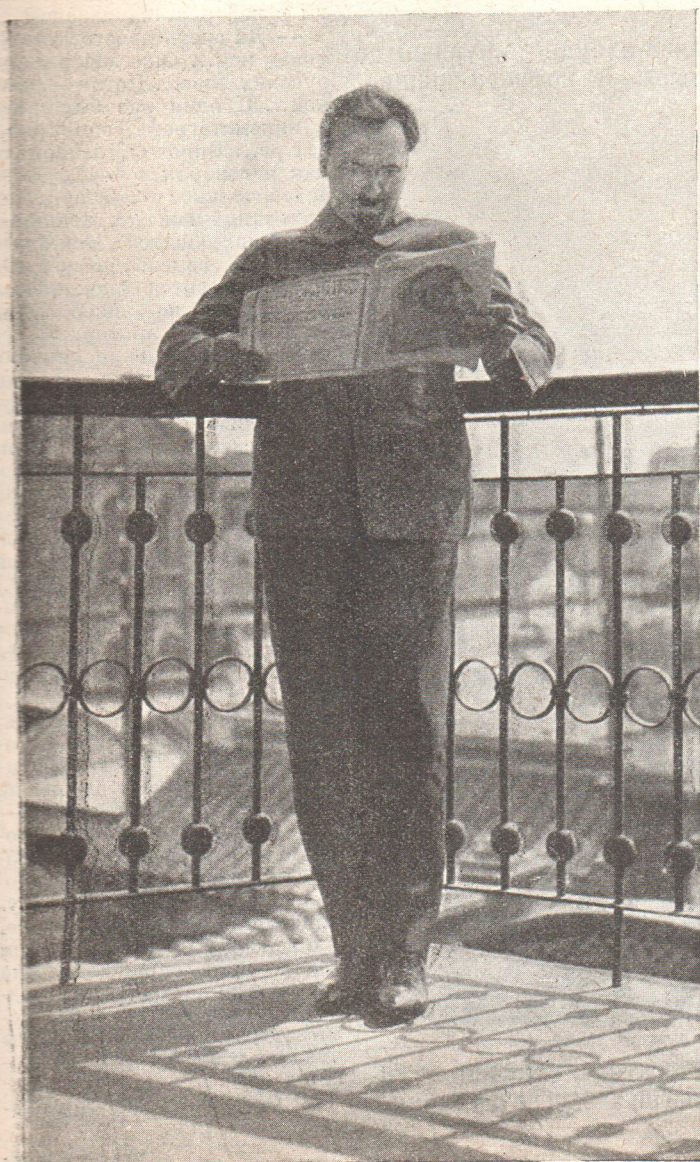
Председатель Шведской торговой миссии и поверенный в делах шведского правительства мистер Каль фон-Гайденстам. В беседе с сотрудником «Огонька», он сказал: «Я твердо убежден в том, что восстановленные отношения между Швецией и СССР принесут взаимную пользу обоим сторонам».

Полпред СССР — в Китае

Фот. корреспондента «Огонька».

Республиканское правительство Греции

Фот. Р.-Р.-Н.-S.



Полномочный представитель СССР в Пекине Л. М. Карахан (читает «Огонек»). Снято в доме миссии.



Министры нового, образовавшегося после изгнания Георга III греческого кабинета — снятые сейчас же после представления регенту — адмиралу Кундуриотису. В середине, в первом ряду — премьер г. Папанастасиу, в форме — военный министр.

Почтовая пропаганда фашизма



Фашистские «избирательные приемы» не исчерпываются, оказывается, одними речами Муссолини и массовыми избиваниями инакомыслящих. При происходящей сейчас подготовке к итальянским парламентским выборам более всего старается почтовое ведомство, во главе которого стоит министр-фашист.

На снимке почтовый штампель «Голосуйте за национальный (фашистский) список», служащий вместо обычного штампа и ставящийся почти на всех местных и незаграничных (чтоб не позориться) письмах.



Визир английской буржуазии, «наш Винстон», бывший английский военный министр Винстон Черчилль, не прошедший в выдвинувший список кандидатство в парламент, недавно потерпел новое крупное поражение. Скончался один из депутатов от respectable лондонского района Сити и были назначены дополнительные выборы. Многочисленная либеральная печать (а Черчилль, меняющий нос по ветру, предпочитает себя считать в либералах) в течение недель рекламировала «Винстона», восторженно описывая его галстухи, гостиную и библиотеку. Сам, очевидно уверенный в неминуемом уж на этот раз избрании, кандидат развезал на автомобиле по улицам своего квартала и произносил предвыборную речь.

Повальному, английская публика разочаровалась в своем любимце. Несмотря на шумливую предвыборную кампанию, благопристойные избиратели Сити предпочли менее говорливого консервативного кандидата и с треском провалили Черчилля, о котором теперь уже считают неудобным писать даже влиятельные газеты его партии.

На снимке — сияющий Черчилль произносит предвыборную речь. Направо — грустное лицо Черчилля после оглашения результатов голосования.

О ПРОШЛОМ

Из записок человека прохожего.
Андрея Соболя.

Вокзал — оштра, топь, избияния, мошкар
мешков, дване палатки и тачки.

Вперед — ехать дорога.

Слова само аматскую песнь поет Амур,
слезы от Малго Хин-Гана веет простором,
и мы шире. Мы — в трюме.

Над нами пассажиры: купцы, казаки
«шарка», чинивики, а в третьем классе
лоной владивостокский предприниматель
ищет японских проституток в Благовещенске.

Когда нас проведет мимо, я вижу у
какой женщины в руках книжку с портретом
Ленина.

Вокзал шумливо глядят на нашу
команду и кандалы, подбегают к нам,
шаркают и машут крохотными рученками.

Для три мы едем «с удобствами»: про-
гулка на ¼ часа по нижней палубе, еда
и напитки бесплатны.

Пассажиры узнают, что в партии не-
многие члены палубных — и нам при-
носят газеты, книги.

На четвертый день мы получаем за-
писку от неизвестного лица:

«Не падайте духом: в России револю-
ционное движение растет. Как ваши фами-
лии? Не хотите ли написать родным? Письма будут отправлены. При сем колбаса, шоколад, карандаши и бумага».

Совещаемся: не подвох ли — и ограни-
чиваемся коротким:

«Спасибо».

А на пятый день конец удобствам, про-
гулкам по палубе.

Ночью наши уголовные учуяли, что в
трюме склад буфетчика. Пробуравили стен-
ку, вырезали четырехугольник и выта-
щили не малое количество бутылок вина.

Перепились немедленно.

Танцевали, прыгали в тесном трюме,
ругались, ссорились, перестреливались
пустыми бутылками.

К нам приставали:

— Пей, ребята!..

Отнекивались — с трудом удалось от-
биться.

Всю ночь пили уголовные, пили, под-
ставляя шапки.

Очумели от сладкого, крепкого вина.
А днем, когда воровство открыли, на-
чалась расправа, такая же кошмарная,
как ночь пьянства.

Но помню и светлую минуту: обратник
Мамых надрывался среди общего звериного
гула:

— Эй! Политику не тронь! Дело наше.
Не тронь политику!

Оазисом мелькнула Благовещенская
тюрьма, тогда еще (в 1907 году) незавин-
ченная, переполненная китайцами — чут-
кими, добрыми, вежливыми.

Мой сожитель по камере, улыбаясь
улыбкой добродушной, но для меня все
же непостижимо-странной, угощал меня
опием и твердил:

— Карашо. Очна карашо.

из нас в отдельности и каждому сразу стал близким и родным.

Почему?—никто бы не смог словами объяснить. Разве знаешь, почему радуется душа человека приходу прозрачного вечернего часа?

И он был таков: тихий и весь, весь прозрачный. В одной из камер сидел вечник-уголовный, который называл себя анархистом, а паче всего и больше всего любил карты и мелкую войну с надзирателями.

В дни выигрыша он кирпичем навондрил блеск на свои кандалы, так что они горели, набрасывал небрежно на плечи бушлат, заламывал ухарски круглую шапку; пошвыстывая, подходил к двери и начинал нежно:

— Надзиратель, подь-ка сюда.

Любил рассказывать, как, заблудившись в тайге, еще с двумя товарищами укупили четвертого—татарина, а потом жарили его на углях и ели, запивая водичей.

Политических он презирал, называл их мразью.

И вот даже такой преклонялся пред Егором.

Егор не был красив.

При первой встрече его лицо не поражало—неправильные черты, веснушки, слегка изогнутый нос.

Сутулый, худой. Говорил он медленно.

Но какой удивительной улыбкой озарялось это лицо, какие прекрасные глаза, словно изнутри освещенные, глядели на тюремный—вялый и тусклый—мир.

Жизнь тюремная, помимо врагов внешних, полна еще врагами внутренними. Ведь люди не ангелы.

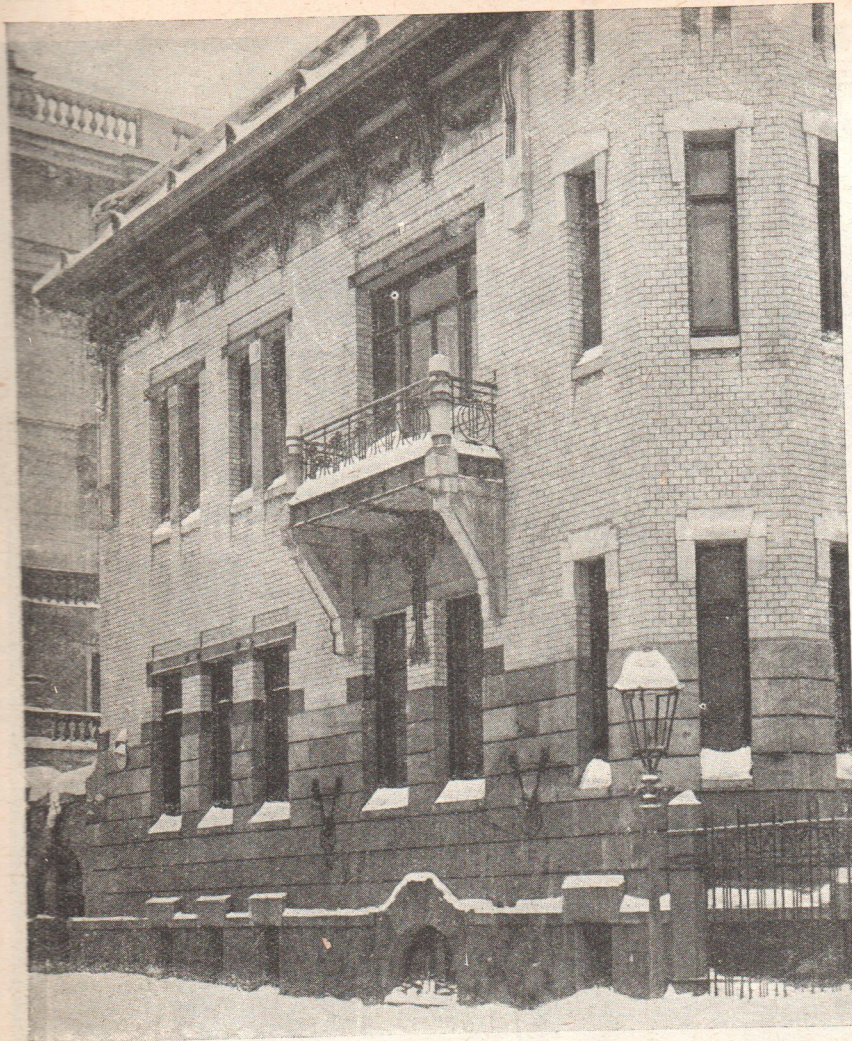
И когда сорок человек втискивают в одну камеру, сорок человек без разбора, хотя бы даже и «объединенных» одним общим названием «политические», и велят им вариться в собственном соку, раз навсегда сказав: «о воле, о родине оставь всякую надежду»,—разве мудрено, что тогда исподтишка, незаметно, подпольными путями, выползают мелкие человеческие страсти?

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

Фот. Ж. Мартова.



На днях ЦК Всесоюзного Союза работников земли и леса чествовал ректора Тимирязевской (б. Петровской) Сельско-Хоз. Академии, крупного ученого и общественного деятеля проф. В. Р. ВИЛЬЯМСА по случаю 35-летия его научно-общественной деятельности. Профессору Вильямсу 61 год. На нашем снимке профессор Вильямс изображен за работой в своей лаборатории в Тимирязевской Академии.



Балкон дворца балерины Кшесинской, с которого часто произносил речи В. И. Ленин в 1917 г., после Февральской революции.

И головой покачивал и сладостно причмокивал: гляди, мол—сладко заснешь и все забудешь.

И правда: так было—поплыла камера, нары стремглав, стремглав покатились по откосу, за решеткой раскинулся голубой шар, зазвенели серебряные колокольчики и стая белых больших птиц взметнулась кверху, подхватывая, унося... «Сладко заснешь и все забудешь».

Но краток сон и мимолетно забвение.

Опять Сретенск, снова зверюга Лебедев—начальник сретенского коновоя.

И новый путь—в Горный Зерентуй, пеший тракт в триста слишком верст—со снегом, со стужей, с полуразвалившимися этапками, с общей комнатой для женщин и мужчин. Тут же на глазах семейные сцены: муж жену бьет, жена впивается сопернице в косы. Тут же и картеж: игра в три листика, в двадцать одно, где на ставку идет халат казенный, порции мяса на целый месяц, тело вольно следующей за мужем жены.

В Гантимурове уголовный, весь в фурункулах, проиграл бушлат свой, а за потерю бушлата лишний год к каторжному сроку, а откупиться нечем,—и вот загнал он свою жену под нары, завесил халатом. И всю ночь пускал к ней уголовных, а потом и конвоиров.

Когда утром двинулись дальше—ее уж везли на санях.

... Этапка за этапкой, от дыма к стуже, от стужи опять к дыму—и все ближе и ближе Горный Зерентуй. А когда в памяти всплывают белые стены Горного Зерентуя, решетчатые двери камер, коридор темный, где в конце его приотилась тюремная церковь,—прежде всего и раньше всего встает передо мной незабываемый образ Егора Сазонова.

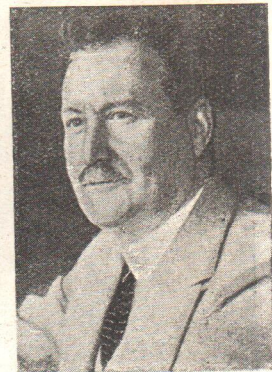
Человека, кого все—чуткие и грубые, безграмотные и образованные,—любовно звали «наш Егор», к кому тянулись все сердца, с кем даже тюремные и чиновные самодуры не решались говорить повышенным тоном, а ведь среди них были такие, как Селиванов (бывший иркутский генерал-губернатор) и убитые потом Бородулин и Метус.

... Тяжелы всегда первые минуты прихода в новую тюрьму, даже для того, кто на своем каторжном пути десятки тюрем перевидал и кто мст бы, кажется, привыкнуть. Как часто та или иная тяжесть этих минут зависит от «старожиллов».

А Сазонов бережно и мягко ввел нас, вновь прибывших, в очерченный круг и так же бережно подошел потом к каждому

Кто подделывал „инструкции Коминтерна“

Фот. «Интерн.-Ньюс».



Вильям Бернс, глава нью-йоркской тайной полиции, последовавший в отставку за своим принципом, государственным прокурором Догерти, сильно скомпрометированным в нефтяной панаме. Бернсу приписывается составление подложных инструкций Коминтерна, которыми статс-секретарь Юз оперировал при недавних своих необоснованных обвинениях по адресу Советского правительства.

И разве удивительно, что тогда размножаются тюремные «микробы» раздора, мертвых партийных споров, счетов и некрасивой мелкой трусости?

И он все время боролся с этими «микробами», не мало сил положил на это — из тех сил, что уже были подорваны Шлисельбургом, Акатуем и нерадостными вестями с родины.

Не мало недоразумений он уладил, не мало столкновений предотвратил.

Но все-ли знали, с какой большой болью, с какой скорбью и неизбежной тоской он входил во все эти мелочи? И разве многие видели, какой болью он горел и в каком огне сгорал?

Его окружали друзья, он многих любил, но он был одинок. Он спал на одних и тех же нарах со всеми, ел из общего котла, принимал деятельное участие на всех наших собраниях, когда к каждому его слову прислушивались, когда не раз его

мудрое (именно: мудрое и чистое) слово уводило с неверного пути.

Но и днем в непрерывном шуме, и ночью среди людей, лишенных зелени и солнца, он был одинок. Всегда одинок.

Разве не о таких, как он, сказано, что на вершинах высоких гор всегда царит одиночество?

Я помню его при первой нашей голодовке, когда мы потребовали перевода больной Марии Спиридоновой из Мальцев

Процесс „областного центра действий“ в Киеве

От корреспондента «Огонька».

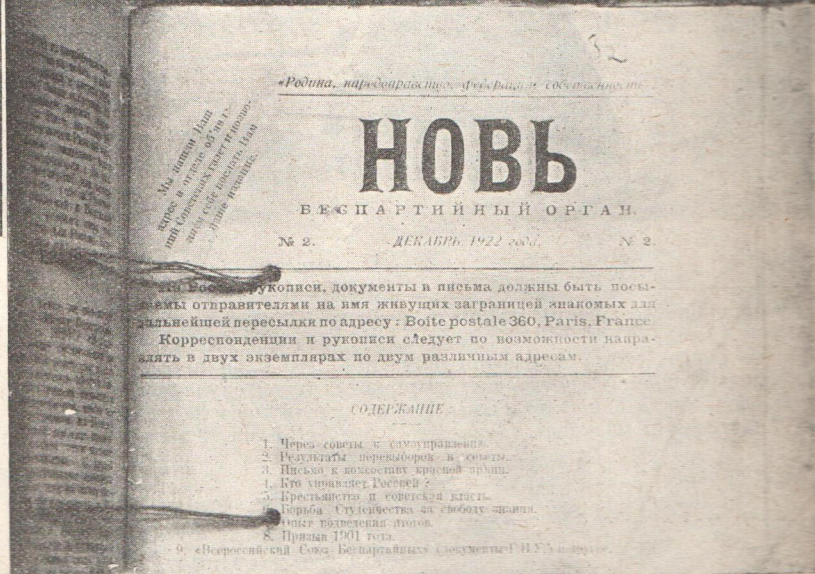
Снимки фото-института.



Директор военного начальника линии связи Онищенко-Павлова. Справа — залета: Пухтинский, Вольман, Ратнер, Бескорова, Гаммерштедт, Ветвинский. За решеткой обвиняемые: Курзалова, Леонидов, Кудеялова Зинаида, Капунцова Анна, Капунцовская Мария, Оберучева, Виноградова, Чебанова, Васильенко Константин, Васильенко Николай, Чистяков, Талыга, проф. Смирнов, Яковлев, Еднинецкий, Еднинецкий, Вейнгеро, Тартаковский.

Киевский „областной центр действий“.

Мария Варшавна Киев „Сестра“, „молодой“, „орленок“, „шарлотта“, „свинка“, „гусар“, „Соломон“, „линия связи“, „Катя“, „не то Хулига, не то Варин, не то Павловский“. Доклады, выступления, планы военного штаба, любовь к Ветру, слезы над гробом, человек с вымышленной фамилией „Степан“, совет писем в Париже. Военный совет какого то „штаба“, обманувший польскую организацию. Кинематографическая фантма? Песенная книжонка Пинкертон? — „Степан“ пришел: во делу заговора киевского „областного центра действий“, начавшийся 20 марта в Киеве. Рассказ о том, как группа белогвардейцев пыталась свергнуть Советскую власть. Как, по их словам, не виновны, т.-е. виновны, но постольку — поскольку. Они „находят демократизацию“. Они „признают Советскую власть, но считают, что форма высшего правления еще не установлена, как они выражаются, не „закаменели“ окончательно и что к лозунгам „родина — собственность, независимость, свобода“ может прислушаться и Советская власть, „пойти по истинному пути“. В этих целях переводился из-за границы, в передачу подпольных кинематографических организаций „Новь“, выдавались документы штаба с надписями „секретно“, составлялись приблизительные сметы по расходам „областного центра действий“, поддерживалась связь с польской интеллигенткой Ольгой Кереш и т. д. и т. д.



Нелегальный орган Киевского Областного Центра Действия «Новь», издававшийся за границей и распространявшийся в Киевщине.

Нелегальный орган Киевского Областного Центра Действия «Новь», издававшийся за границей и распространявшийся в Киевщине. В этих целях переводился из-за границы, в передачу подпольных кинематографических организаций «Новь», выдавались документы штаба с надписями «секретно», составлялись приблизительные сметы по расходам «областного центра действий», поддерживалась связь с польской интеллигенткой Ольгой Кереш и т. д. и т. д.

Демобилизация Красной Армии

Фот. Форсиони и Мартова.

той каторжной женской тюрьмы в больницу

Тогда еще камеры наши были открыты—потом, попозже, нас заперли,—и собрание сменялось собранием, галлерейка наверху гудела, точно телеграфная проволока, взад и вперед мчались серые бушлаты, голосовали, выносили резолюции.

Сомневающиеся в успехе шушукались по углам; уже кое-где бормотали о приходе солдат; создавались группки, течения.

И только он один спокоен был, как был спокоен потом, когда на третий день голодовки уже не «вое-кто», а многие предлагали сдатьсь.

Он был со всеми и везде, где только требовалась поддержка—и к нему шли, как к источнику бодрости и подлинного человеческого духа

И все знали: этот выдержит, хотя бы голодовка затянулась на месяцы. И все чувствовали: этот сутулый человек вобрай в себя боль всех и за всех.

Есть люди, всю тяжесть других принявшие на себя.

И он принял ее и нес с тем ве-



Красноармейцы, родившиеся в 1901 году, в течение апреля демобилизуются. Отправляются домой, в деревню, они получают литературу.

и о том, что жив и не умирает революционный дух, даже, когда прахом идут все пути к освобождению.

И он доказал это, ночью приняв яд. Приняв в сознании, что смерть его необходима, что только она может послужить толчком.

И последние его слова были о той же бодрости и верности революции,—но не о боли своей, не о тоске своей...

... Бегут годы.

Далеко, далеко белые горно-зерентуйские стены. Будто все приснилось: и голодовки, и колесная дорога, и звон кандалный.

Стираются воспоминания шумным, гулким, стремительным бегом дней, месяцев, кружением городов, стран,—но четко, любовно и горестно хранит память чудесное воспоминание о человеке с тихим го-

лосом, о человеке султулом, в котором билась и трепетала пламенная душа революционера.

На пути человека-прохожего это незабываемая встреча.

Андрей Соболев.



Одновременно сдают свое оружие.

ликим молчанием, с каким в 1904 г. шел на Плеве.

Я видел его, когда четвертая камера вела смелый подкоп, когда вся тюрьма три месяца жила одной только мыслью: — Удастся или не удастся?

И первым должен был выйти он: смысл подкопа был в бегстве Егора.

Подкоп провалился, как всегда из-за глупой случайности—еще раз свобода отодвинулась далеко.

Но он первый заговорил о бодрости

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Стихотворение Макара Пасынка.

Солнышко рыженьким кроликом
Вынырнет—снова нырнет.
«Оттепель, оттепель скоро ли?»
Булькает кран под окном.

Кто вот колюсьями тучными
Бродит уже, как вассал...
А мне бы с кистью сподручною
Бдро стоять на лесах.

Эх! «Бедноту» вот бы выставить,
Дверь и окно распахнуть,
Чтоб со двора, словно с пристани,
Ветер волною пахнул.

Солнце, эй! Прятаться нечего
Слышишь артельный гам?
Скоро заставим до вечера
Нам, малярам, помогать. Макар Пасынок.

Времячко красное,—вот оно!
Тает усталость, как снег.
Чешутся руки: работы нам.
— Эх, да ухнем!

Ивану Валяло.

Большевики в Мексике. Национализация домов. Коммунисты в германском рейхстаге

Фот. «Юнайтед Нью» и Дж. Грауденга



Мексиканские события выражаются не только в опереточных мундирах «инструкторов» и кровопролитных сражениях. Войска Обрегона, сейчас одержавшего победу над охранявшим англо-американские нефтяные интересы Хэртой, восторженно стараются помочь трудящемуся населению занимаемых народной армией территорий. Пример советских стран заставляет мексиканских революционеров усваивать некоторые конкретные способы борьбы с более чем жирной, специфически спекулятивной, контрабандистской буржуазией и мещанством.

Борьба со старостью

Очерк А. Терского. Снимки Форсиони.

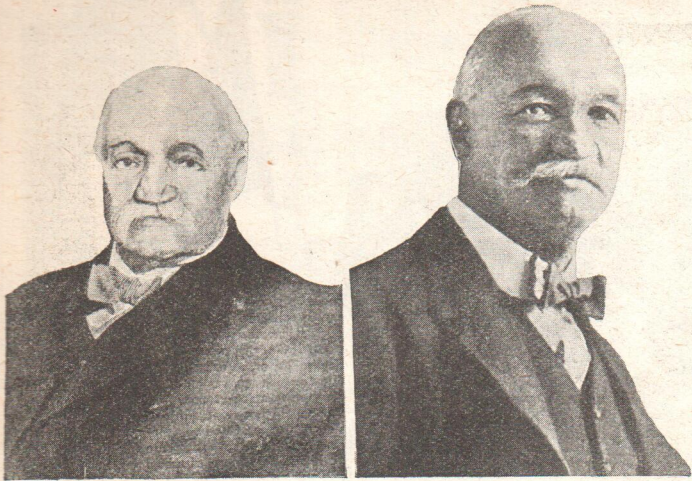
Человеческая мысль с давних времен мучается над разрешением самой сложной жизненной проблемы: борьбы со старостью.

можно ввиду поставленного самим оперированными категорического условия нигде их не опубликовывать и пользо-

ваться только для сугубо научных целей.

В связи с колоссальным интересом человека к этим новым достижениям науки и с массой самых разнообразных мнений и толков по этому вопросу, ряд русских ученых обратился к одному из видных ученых, занимающихся в России исследованиями, близкими к исследованиям Штейнаха, проф. Завадскому с просьбой высказаться по этому сенсационному вопросу. М. М. Завадовский написал специальный труд, «Возможна ли борьба со старостью», который предполагается к выпуску в свет в ближайшее время в виде недорогой, общедоступной книжки. В книге суммируются результаты всех произведенных до ныне опытов и вытекающее из них заключение.

С разрешения проф. М. М. Завадовского мы делаем краткие извлечения из его еще неопубликованного труда, которые дадут достаточно представление с положением вопроса об омоложении. — Исследование венского ученого Штейнаха, уже заслужившего ученого, несложно. Он на крысах доказал, что путем приживления старому самцу семенника из молодого самца, старой самки — личинки из молодой самки, или еще проще, путем перевязки у самца семенных канальцев можно восстановить угасающие к старости силы — вернуть то, что, казалось бы ушло безвозвратно. У самцов восстанавливалась бодрость, сила мышц и инстинкт облысевшие спина и бока покрывались густыми волосами. Старые уже бесплодные самки вновь приобрели способность давать потомство.



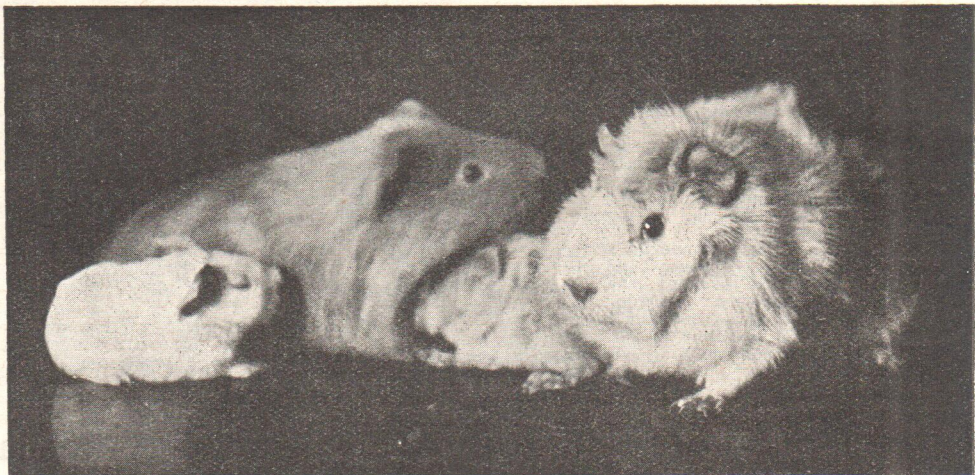
Единственный пока в мире случай чрезвычайно резкого омоложения, после пересадки проф. Вороновым (в Париже) половой железы от павиана. Оперированный г. Е. Л., 74-х лет, через 8 месяцев помолодел на 15—20 лет, свободно взбирался на лестницу, перепрыгивая через 4 ступеньки, поднимая тяжести, которые ему в последние 15—20 лет не под силу, фехтовал и получил все способности и инстинкты молодого человека. На наших снимках изображен г. Е. Л. до операции (1 февр. 1921 г.) и в настоящее время последний снимок только что получен в России. За все время после операции г. Е. Л. чувствовал беспрерывный приток сил.



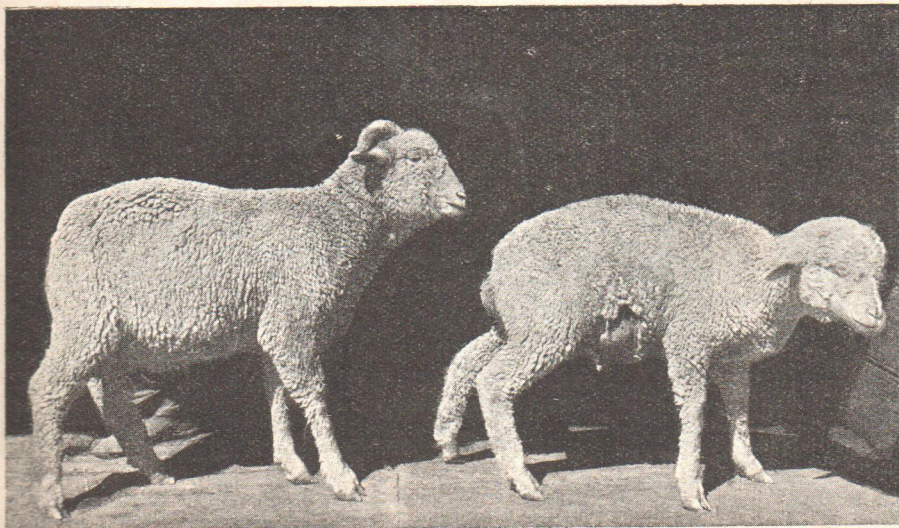
Шимпанзе, железами которого пользуется проф. Воронов для омоложения людей

Над ее разрешением работали величайшие мыслители и ученые. Это устремление человеческой мысли было воплощено еще Гете в его «Фаусте». Большие ученые работы по этому вопросу вели крупные профессора, из самых больших мест среди которых занимает И. И. Мечников, «легкомысленно заявлявший», что старость — это просто болезнь, с которой можно и должно бороться. Но только недавно французский профессор Броун-Секар нащупал тот путь борьбы со старостью, по которому сейчас идет наука: прививка человеку тех жизненных желез, которые омолаживают организм. Ныне целый ряд ученых занимается исследованиями по омоложению организма человека и животных и уже везде, почти в каждом городе, практикуются операции по омоложению.

В России опыты по омоложению на людях начались позже и ярких результатов омоложения пока еще не зарегистрировано. Все случаи омоложения находятся в стадии научного изучения. Снимки омоложенных хотя и имеются в распоряжении научных работников, но опубликование их невоз-



Мокская свинка (справа), которая уже более года перестала давать потомство, после омоложения произвела детей. Дети родились в день съема для «Огонька» в Моск. институте экспериментальной биологии, 26 февр. 1924 г.



Овцы, над которыми проф. М. М. Завадовский в Аскании-Нова производил операции по пересадке половых желез. У овцы направо в нижней части живота видно оперированное место. Оперированные овцы находятся еще в периоде научного наблюдения, а материалы о них еще нигде не опубликованы.

Одновременно Воронов в Париже подобны же результаты пслучил в опытах с баранами По Штейнаху, так называемый, половой гормон выделяемый некоторыми железами непосредственно в кровь и оказывающий существенно влияние на жизнедеятельность организма, отделяется лейдиговыми клетками, а при пересадке половой железы или после перевязки семенных канальцев увеличивается количество лейдиговывых клеток.

Опыты перевязки семенных канальцев, поставленные Штейнахом совместно с д-ром Лихтенштерном на человеке, дали удительные результаты. Внешний вид и самочувствие старика после операции значительно улучшилось. Восстановилась бодрость, окрепли мышцы и мысль восстановился инстинкт. Стали разглаживаться морщины и более быстрым темпом расти волосы.

От оплодотворенной яйцеклетки и до смерти мы наблюдаем один непрерывный ряд процессов, который заключается в изменении форм, функций живого существа. В этом процессе таится загадка жизни. Она более всего отличается живое от неживого. Где же силы и условия которые управляют непрерывной сменой форм? Каким образом и в силу каких условий комочек протоплазмы дает кинематографическую смену картин от возникновения и до смерти?

В этом направлении работал ряд ученых и кое что мы знаем.

У Штейнаха самцы-крысы давали молоко. У меня «курицы» преследовали кур, пели и были украшены гребнем, серьгами и ярким пером петуха, «петухи» же надевали скромный наряд курицы. Биолог овладел регулятором формотворческой силы и, подобно инженеру, начал перестраивать живые организмы. Мы поняли и овладели пружинами, которые определяют в одном случае развитие самца, в другом — самки.

способность; пожелтевшая, высушенная кожа вновь приобрела свежесть и упругость и т. д. Однако, нам хорошо известно, что не всякая ткань легко поддается обратному развитию (нервная, часть костная и др.). Последнее обстоятельство ставит явную и естественную пре-

Естественно, что наибольший интерес возбудили опыты Штейнаха по омоложению на людях путем крайне несложной



«Петух», превращенный проф. М. М. Завадовским из курицы. Первый, отличающийся от настоящего, «петух», сделанный известностью в научном мире и носивший даже свое имя «Прима». В настоящее время находится в музее зоологического сада под наблюдением проф. М. М. Завадовского.

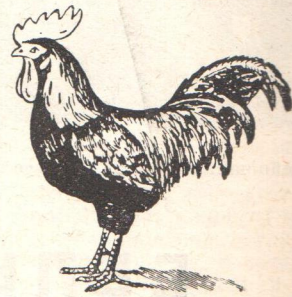
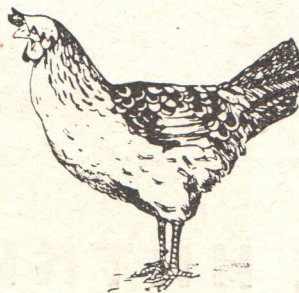
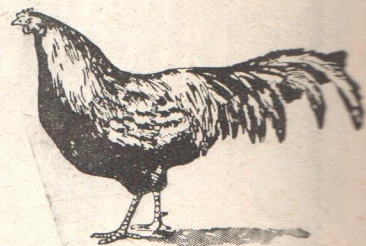
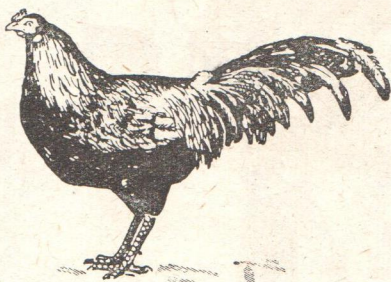
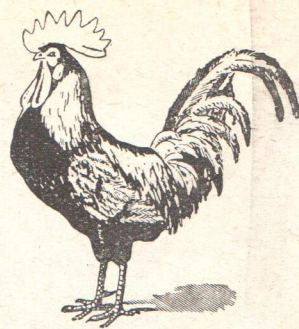
Вопреки широко-распространенной среди медиков и физиологов точке зрения, практикующей старость, как болезнь (учение Мичинова), а впоследствии, в связи с открытиями Штейнаха, — как нарушение нормального соотношения в инкреторной системе желез, я рассматриваю старость, как естественный и неизбежный финал формобразовательного порядка.

Учитывая все опыты, мы можем рассчитывать на омоложение.

Опыты Гармса, Штейнаха, Воронова, Бринолла и др. с очевидностью показывают, что ткань, лишившаяся способности давать волосы, вновь приобрела эту спо-

граду слишком розовым перспективам в области омоложений.

Биотехния требует практичски полезного эффекта: заставить петухов нести яйца вместо того, чтобы большинство их за ненадобностью, резать на мясо, отчего выигрывало бы хозяйство. Но хирургическое вмешательство в настоящее время мы можем допустить лишь



Превращение петуха в курицу и обратно (Смотреть сверху вниз).

операции — перевязки семенных каналов. Как говорилось, результаты получились весьма выразительные, но оперируемым Штейнахом лицам были сделаны одновременно и другие операции (вырезывание большого яичка и т. п.) и строгие критики приписывают омоложение именно этим операциям, ибо с устранением болезнетворного начала организм окреп.

Воронов пересаживает железы не человеку к человеку, а от обезьяны к человеку (павиана, ныне — шимпанзе).

На одном из хирургических съездов в Париже Воронов говорил:

— Старик 74-х лет была сделана прививка семенника павиана. Двенадцать дней спустя после операции больной покинул Париж и я увидел его снова только 8 месяцев спустя. Когда он явился, мой ассистент г. Дебри и я были буквально поражены веселым видом, быстрыми движениями, ясными глазами, с хрипой искрой человека, забавляющегося нашим удивлением. Этот человек действительно помолодел на 15 — 20 лет. Умственное и физическое состояние, воспроизводительная способность — все коренным образом изменилось.

Нашупана кнопка, посредством которой можно влиять на процесс формообразования, не было бы крайне неосторожно пока лишь лабораторно поставленный опыт с намеками на решение принимать за полное решение сложной и животрепещущей проблемы омоложения.

Давая высокую оценку чисто научной стороне опытов Гармса, Штейнаха, Воронова, мы предостерегаем от переоценки их биотехнического значения при существующей методике.



Самка оленя из Аляски-Нова. После прививки ей семенника проявляет явные признаки молодого самца.

Доложено

А. Терский.



«Лейпцигская улица» в центре делового Берлина, всемирно-известная по своему оживлению, за последнее время сильно утихшая.

БЕЛЫЕ НИТКИ

Рассказ Анри Барбюса

— По всем этим причинам,—продолжала свое повествование гнусная личность,—я решил убить эту старую богачку. Так говоря, личность уставилась глазами, покрытыми сетью алкогольных жилок, на огромные свои руки, крючковатые и серые, лежавшие перед ним, как два краба. Подумав, наш отвратный собеседник продолжал свой рассказ:

— Как ее звали, не скажу вам и совсем не из трусости. Ведь, всякие сроки судебной давности давным давно прошли, но просто потому, что я не помню. Во всяком случае назовем ее тетя Штучка или бабушка Машина—это дела не меняет, а суть дела остается вот какая: насколько я был беден, настолько она была богата, она округляла свои сбереженья, а я тем временем влезал в долги по всей деревне. Насколько она была взыскательна в своей еде, настолько я был неразборчив, утоляя свою жажду, короче сказать, так уж сошлось все клином, слишком большая разница была между этой прогнившей от старости рантьершей и мною, молодым, безработным подмастерьем. Так долго продолжаться не могло. Я должен был ее известить. Большой дом, в котором она жила, хорошо сохранился, он стоит еще и поныне против злополучной каменной хижины, тогдашнего моего логова. Обычно она ложилась спать ровно в семь часов и только в самую жаркую летнюю пору старуха бодрствовала до половины восьмого. Вставала она с неперменной точностью ровно в четыре часа, вскакивая сразу, как заводная игрушка, и сейчас же начинала бегать по всему дому в черном, сером или грязно-розовом, смотря по сезону.

Ее фарфоровая копилка была запихана

в трухлявый башмак, в куче всякой другой башмачной рвани, которая валялась в темной кладовке, непосредственно рядом с ее спальней. Неслыханный случай, небесное чудо помогло мне проникнуть в секрет этого башмака. С момента этого открытия мысль моя совершенно естественно заработала в одном направлении: во что бы то ни стало завладеть добычей, хотя бы для этого пришлось мимоходом уложить и вредную старуху. Как ни проста, как ни человечна эта мысль, которая пришла бы в голову каждому из вас на моем месте—каюсь—я долго медлил прежде, чем ее осуществить.

Напрасно я набирался духу, шепча: помилуй меня грешного, каждый раз, когда проходила эта мегера с желтыми волосами, с желтоватым лицом и волочащейся ногой, как бы привязанной к другой ноге, такая дряхлая, такая тощая, что диву давался, как еще держатся вместе и не рассыпаются ее косточки,—все же я колебался и не смел действовать.

Однако, однажды после обеда, когда лавочник Пурсен крикнул мне вдогонку с порога своей лавочки, что он велит меня арестовать за эту вечную историю с тридцатью тремя с половиной франками и когда я до отвращения поработал лопатой, вскапывая грядки для спаржи Бланшиссо, так звали этого человека, меня охватило беспокойство: а что если старуха умрет себе просто от старости, а фарфоровую копилку на законном основании уворуют наследники или вдруг кто-нибудь другой, похитрее меня, перехватит мою идею, сделает то, что должен был сделать я. Легкий озноб пробежал по моей спине, хотя я был совсем один, я громко выругался и решил, что это произойдет сегодня вечером.

В десять часов, когда было темно, как в корыте у мясника, я встал. Я одел одну куртку на другую, напялил на себя две пары штанов, сунул в карман мой нож и мою трубку и лампочку захватил подмышку. Затем я открыл дверь и оступью, осторожно перешел через улицу, потому что стояла темень, как я вам уже сообщал, такая темень, что собственным пальцем можно было выколоть себе глаз.

Я достиг вражеского дома. Нога моя споткнулась о порог и пятерня моя коснулась дверной доски и оступью, шарахаясь, как летучая мышь, наткнулась на засов. Замок был закрыт и сопротивлялся в полном порядке. Но я знал, что стоит надавить ставню и получится по всей линии скважина. В эту узкую щель свободно входило острие ножа и ножичком то я довольно ловко скосырнул замочную скобку.

Этим ухищрением я открыл двери в дом, где отвратительная старуха стерегла свои деньги.

Во время этой работы, между прочим, я обломал кончик своего ножа, и кусочек стали с сухоньким звоном упал на каменную плиту. Я не стал задерживаться, не поднял осколка, спрятал нож в карман. Я прикрыл дверь, напрягая всю свою силу, чтобы действовать тихонько и легонько, стараясь шуметь не больше, чем шумят часы мертвенным своим тиканьем.

Вытянув руку вперед, маленькими шажками я подвигался к камину, словно слепой призрак, я знал, что проклятая старуха держит спички в круглой оловянной коробке. Когда я схватил спички, меня бросило в дрожь, словно в руках моих уже пульсировало сокровище, спрятанное так близко и защищенное одним только телом этой твари. Я зажег лампу. Потом я сунул в карман оловянную коробку, которая связывала мне руки.

Я направился к дверям ее спальни; не обошлось без толчка, из кармана моего, слишком туго набитого, вывалилась трубка. Я вошел в комнату с лампочкой и ножом.

Роспуск германского рейхстага

Фот. Грауденц.



Президент рейхстага Лебе, в самый момент роспуска парламента обманувший надежды немецкой тайной полиции и спасший от ареста некоторых германских коммунистов. Знание парламента было заранее обнаружено полицией, тайные агенты присутствовали в зале заседаний, ожидая объявления о роспуске, с момента которого коммунистические депутаты лишались своей неприкосновенности. Лебе вывел некоторых из присутствовавших незамедленно для полиции, руководствуясь только своим долгом председателя.

Розыгрыш золотого займа

Фот. Луцкина.

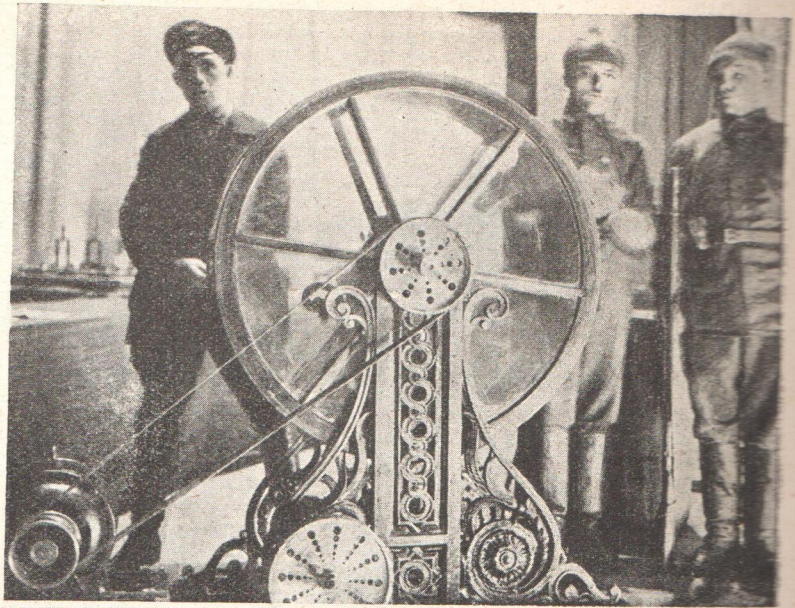
Это длилось недолго: минуты две, может быть. Потом я добрался до знаменитой башмачной свалки, о которой я мечтал месяцами, как иные мечтают о рае. Когда я отыскал в куче всякого старья, которое здесь топорило, бедный, замусоленный, заваленный всякой дрянью башмак, и вытащил из него пачку билетов, я почувствовал себя фокусником, которому удается чудо трудности, который воскрешает вещи.

Я не терял времени на самолюбование, я вернулся в тот угол комнаты, я поглядел на кровать... я увидел... ну, что я увидел... короче—я успокоился. Я провел рукой по влажному лбу, этим движением я сбил свою фуражку почти к ногам кровати. Рассматривая фуражку, рядом с ней на полу я увидел свой нож, я уронил его здесь тогда по рассеянности и так неудачно он упал на паркет, что оступился среди... ну среди того, что потекло. Быстро я повернулся спиной, бросил все это, вернулся в первую же входи комнату, скользнул вдоль стены, растоптал ногами золь в очаге и густой пепел, прилипший к подошвам, заступил мои шаги, хотя мои большие подкованные гвозди сапоги славилась своим громыханьем и над ними даже смеялись в деревне.

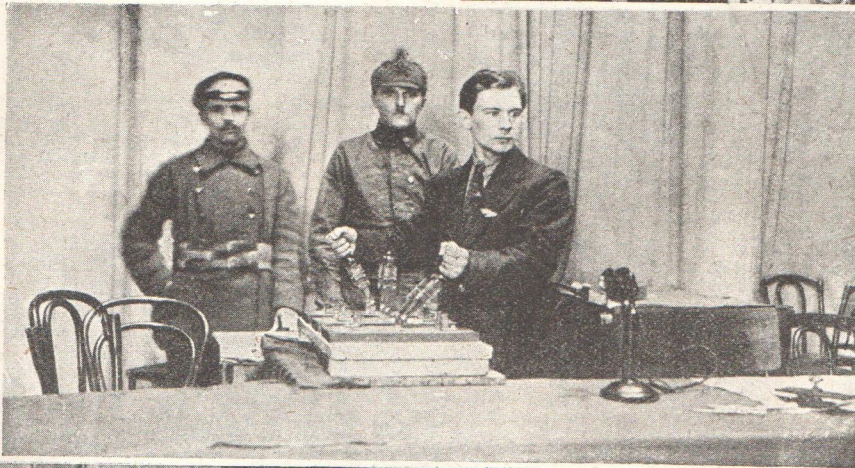
Дверь... Было так темно, что я наткнулся на стену возле порога и разбил стекло лампочки. Дребезжащий шар стеклянных рассыпающихся осколков заставил меня вздрогнуть и с'ежиться и потрясение от этого звука было так велико, что минуту спустя, уже выбравшись на улицу, нервным движением я хлопнул о землю свою лампочку. Несколько шагов... Мой дом. Я толкнул никогда впрочем не запиравшуюся дверь и, не давая себе труда хорошенько ее закрыть, стал раздвигаться с лихорадочной поспешностью, я швырнул в угол башмаки, штаны, куртку.

Обику на куртке было видно и у меня хватало осторожности к нему не прикасаться.

Приняв все это, я отправился босиком и зарыл ширинки, шелковы, артефакты на спаренных грядках у Бланшисо (Всего только нужно было



Электро-тиражное колесо, приводимое в движение секретарем тиражной комиссии.



Явилось правосудие в образе человечка в черном сюртуке. У этого господина, которому так шел вдовый траур, загорелись глазки, когда он поднял на месте нож и ему объяснили, что этот нож—мой. Он вздрогнул, когда наткнулся на фуражку, о принадлежности которой ему сейчас же доложили присутствующие; его передернуло, когда он узнал, что и трубка тоже моя.

Но он нахмурил брови, когда узнал происхождение отпечатков в куче золь.— «Да это его сапоги с гвоздями». Он нервно пожал плечами, когда открыл посреди улицы между нашими двумя домами остов моей разбитой лампочки и испустил яростное восклицание, когда убедился, что дверь моего дома была распахнута настежь всю ночь.

Рубильники, которыми включаются в цепь тиражные колеса. Справа на столе помещен радио-передаточник, через который немедленно сообщается счастливый номер во все пункты, где находятся рушоры, громкогласно об этом возвещающие. Радио-передаточник действует на расстоянии 50 километров в диаметре.

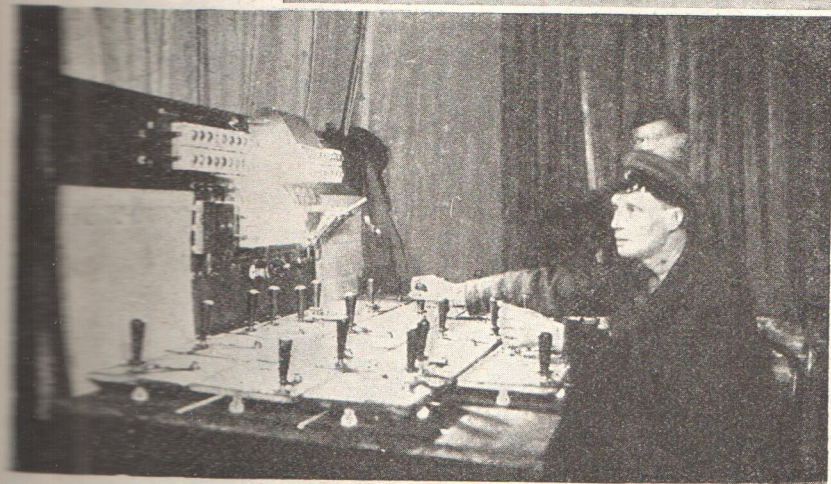
С этой минуты он переменялся, его деревянные, невыразительные черты украсились ехидной улыбкой. Когда из под кровати моей вытащили перепачканное кровью платье, он покачал головой с понимающим видом и пробормотал: «чорт возьми». Когда покатила по полу оловянная спичечница он произнес: «бьюсь об заклад».

...Короче, я нагромоздил против себя столько явных улик, что оказалась невинным. Кто хочет доказать слишком много, ничего не доказывает.

Очернив себя без всякой меры, я превратился в невинную жертву грубых интриг, шитых белыми нитками, как выразился человек в трауре.

Вот мой способ; новый или не новый—он всегда хорош. Уступаю его пылким авантюристам с сильным воображением или тем кто довольствуется, нанизывая свои выдумки в книжечке, а из лучших своих мыслей делают коммерческое употребление.

Перевод О. Мандельштама.

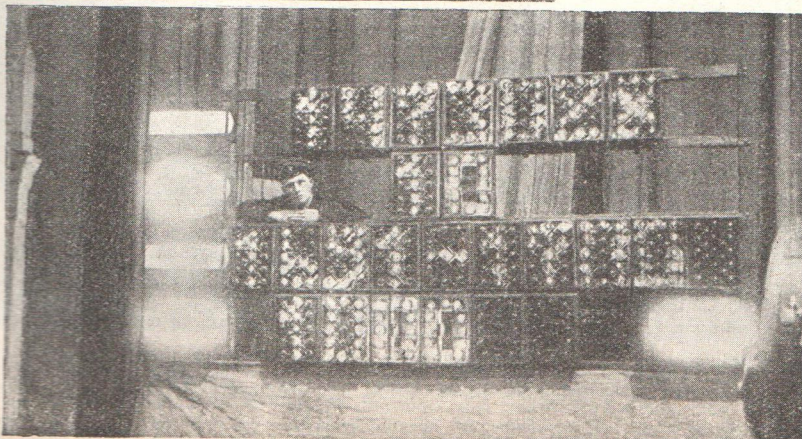


Главный коммутирующий аппарат, за которым стоит его конструктор-инженер Александр-Грегор С. А. Вайсбад.

прожечь через автоматический луг).

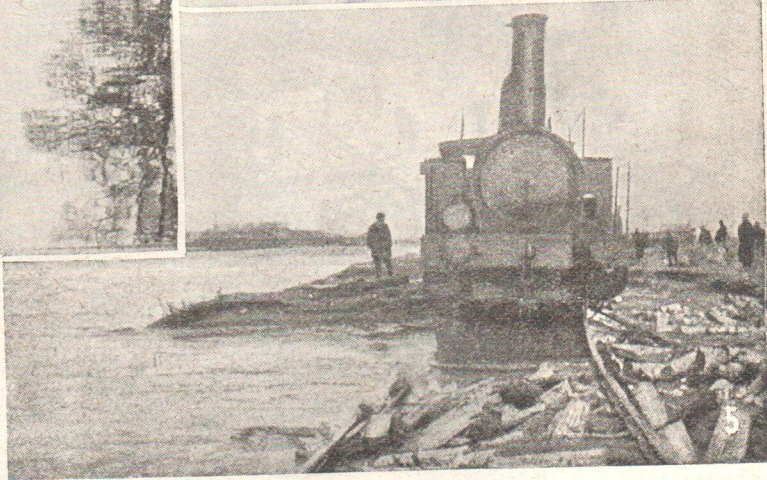
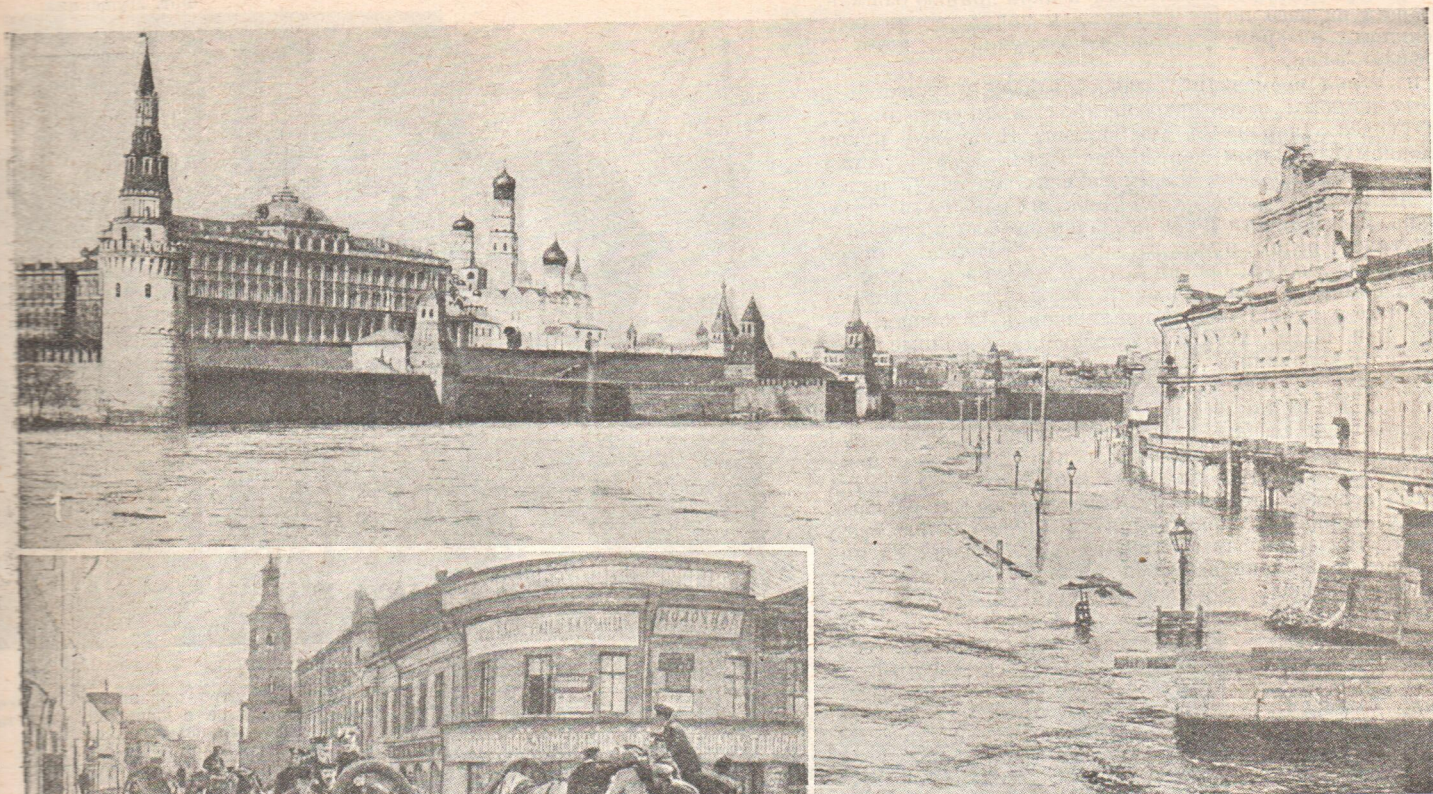
Час спустя я храбрился, имея в виду, что дверь ко мне пришла со двора поперек сквозняк.

— И вот тогда, как добры, милые мои господа,— заключил владное жилище.— все произошло, как я того



Электро-коммутаторный автоматический нумератор—цит, указывающий красными и зелеными лампочками №№ выгравших серий и облигаций.

МОСКОВСКОЕ НАВОДНЕНИЕ 1908 ГОДА



- 1.—Общий вид Москвы - реки с Большого Каменного моста. Фонари указывают края набережной.
- 2.—Перевозка на ломовых по Б. Полянке.
- 3.—Одна из улиц Москвы.
- 4.—Площадь перед Павелецким вокзалом.
- 5.—Размытая линия Павелецкой железной дороги и паровоз, сошедший с рельс.

Каждую весну после ледохода Москва-река несется бурным потоком... Вода подымается до самых берегов гранитной набережной и, переливая через них, затопляет низменные части улиц.

Бывают наводнения и более сильные. Замечено, что через каждые 16—18 лет река затопляет целые районы, обращая значительную часть города в какую то Венецию.

За вторую половину прошлого столетия не было сильных разливов реки и жители Москвы позабыли о них и перестали считаться с угрозой затопления города...

Но вот в апреле 1908 года совершенно неожиданно Москва-река разлилась и так разлилась, что целые кварталы оказались под водой. Волны бушевали у гранитной ограды храма спасителя и докатывались до Пречистенки. Часть Замоскворечья, Бабий Городок и ряд низменных улиц представляли из себя сплошное озеро. По улицам ездил на лодках... Нижние этажи домов, где ютилась беднота, были затоплены: погибло все имущество были и человеческие жертвы.

Прошло 16 лет и мы стоим перед возможностью нового наводнения. По мнению специалистов оно грозит в этом году стать особенно сильным. Все же между положением угрожаемых водой районов в 1908 и 1914 г. г. огромная разница. 16 лет назад бедствие захватило Москву неподготовленной. Теперь же его ждут и принимают соответствующие меры, которые, несомненно, ослабят размеры бедствия.

Опасные в половодном отношении дома и подвалы очищаются от жильцов, переходящих в верхние помещения. Расположенные на низменных местах заводы и фабрики спешно переносят из нижних этажей ценные части машин и инструменты. Громоздкие части машин, оставаясь на местах, подвергаются смазке машинным маслом, предохраняющим от вредного действия воды. Окна, двери и щели законопачиваются.

„Расточитель“ в 1-ой студии М. Х. А. Т.—

Очерк Г. И. Геронского Снимки В. П. Базилевского

— вторая работа этого сезона—во многом рассеял тягостное впечатление предшествовавшей «Люби—книжка золотой» («Огонек» № 43). Обе

ваний. Спектакль тянулся больше обычного, надоедали приевшиеся мотивы заунывных песен и дешевые «русские» краски точно вытасненных из Третьяковки бытовых декораций. Актерская напряженность испугала подобные недостатки: хорошая школа радовала всех, кому близок Станиславский и первообразы Художественного театра; стремление к «сочной игре» иногда даже шагало дальше этих

дов могут *смотреться* при исторической точности воспроизведения, при крупных дарованиях, при хорошей актерской технике («Ра-



Налево—Бонифатий Викентьевич Минутка „приживальщик и подлец“—И. Н. Берсенева; направо—Иван Николаевич Колокольцев (городской голова)—А. Д. Дикий; посередине—Марина Николаевна Гусля (вдова, героиня—страдалица)—Б. В. Соловьева, мать Марины (слепая нищенка)—Л. И. Дейкун.

в общем однородны по реалистической постановке; обе—редкость для Первой студии—написаны русскими авторами, обе развертывают сюжеты давних умерших времен. В них же—общая ошибка постановки—совершенно не современная трактовка этих сюжетов, остающихся близкими и понятными одним только любителям и знатокам Лескова и А. Н. Толстого.

Удивительно музейное воспроизведение купеческого, провинциального быта шестидесяти годов не помешал все же отдельным исполнителям «Расточителя» развернуть живые стороны своих крупных даро-

воплощений; Певцов, Дикий, Берсенева и Готовцев напоминали московским старожилкам и присутствовавшим сейчас уже маститым артистам Малого театра видения их собственной молодости:—Садовского, Мартынова, Андреева-Бурлака.

Три осуществления одного лозунга, «Лес» у Мейерхольда, «Гроза» в Камерном и лесковский, почти одновременно написанный «Расточитель»,—как-никак возникли под знаком «назад к Островскому»—заповеди, провозглашенной А. В. Луначарским. Да утешится он выводом первых трех опытов—эпоха и характеры 60—70-х го-

сточитель»);—*оживить*—лишь после остроумных и сложных операций над текстом, декорацией, игрой—при трюках, расширяющих упрямые, зрительские лбы («Лес»); *увядать*, не возвращая Островского и его современников из могилы, даже совсем их там не тревожа, в случае, если сюжет, игра, постановка, слова,—не переделываются, а стилизуются, не переживаются, а воспроизводятся, не выливаются из груди, а чеканятся («Гроза»).

Геронский.

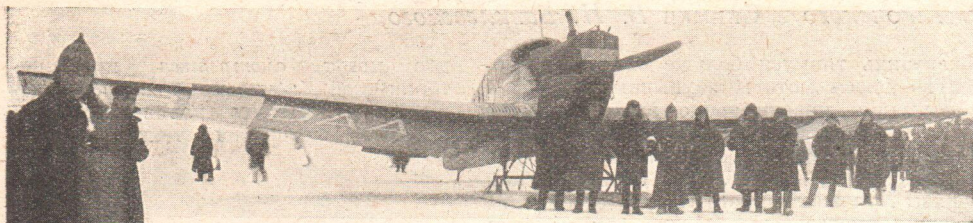
ПРОИЗВОДСТВО КОШЕЛЬКОВ.

Фот. Отто Штифта.



Выпуск серебряной монеты и предполагающийся в ближайшем времени выпуск медной заставили целый ряд мастерских кожевенных изделий как в Москве, так и частных, в спешном порядке приступить к изготовлению кошелев для звонкой монеты. В стремлении как можно скорее выпустить в продажу кошелев, некоторые мастерские скупили всю наличность оставшихся еще от старых времен замков для кошелев, прибывших из-за границы новых партий кошелев слишком долго—полтора—два месяца. В настоящее время многие крупные мастерские кожевенных изделий Москвы значительную часть своих мастерских отдели под выработку кошелев. На снимке изображено изготовление кошелев в мастерской Москвы.

„ДОБРОЛЕТ“



О-во «Добролет» в Киргизии. Прибытие пассажирского самолета О-ва в Оренбург.

Ни одно из человеческих изобретений не сделало такого громадного прогресса за такой короткий срок, как это сделала авиация. Всего лишь 20 лет тому назад удались первые робкие взлеты; 15 лет тому назад Блерию уже перелетает пролив Ламанш, отделяющий Францию от Англии, а еще 10 лет спустя два раза совершается перелет через Атлантический океан.

Отсюда та лихорадочная быстрота, с которой развивается военная авиация за границей.

Находящаяся в милитаристическом окружении, Советская Россия должна была сделать соответствующий вывод и она его сделала.

Нам нужен силь-



О-во «Добролет» в Азии. Ген. консул Хорезмской республики т. Якубов на Ташк. аэродроме при пробных полетах на прибывших в Ташкент для «Добролета» пассажирских самолетах 18 янв. 1924 г.

Последние достижения авиации следующие: скорость достигает 429 километров (верст) в час, продолжительность полета без спуска равна 36 слишком часам, расстояние в 4300 километров пройдено без единой остановки. Эти рекорды, однако, не являются предельными, каждый месяц приносит все новые и новые успехи, открывая все более широкие горизонты для применения авиации в целях культуры; но, как и другие отрасли техники, авиация прежде всего была использована для целей войны и разрушения.

Мировая война, а затем гражданская показали какую огромную роль играют воздушные силы в боевой обстановке.

Но уклонение авиации в военную сторону, не может затухать той громадной роли, которая принадлежит авиации в мировой культурной жизни каждой страны.

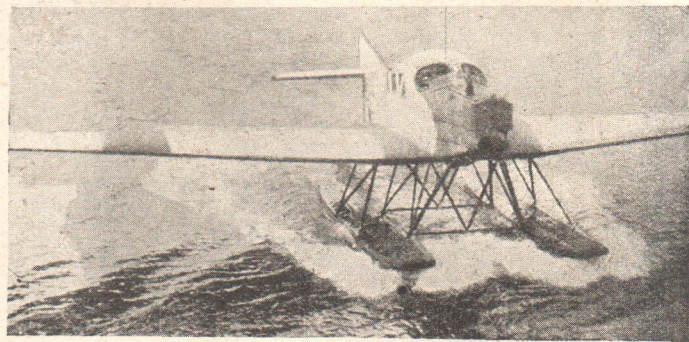
На Западе авиация успела уже доказать широкую возможность ее использования в различных областях народного хозяйства.



Центральная станция о-ва «Добролет» на аэродроме им. Троцкого в Москве: один из строящихся ангаров О-ва на пять пассажирских самолетов.

Государство в данное время не может отпустить нужных средств для этой цели. По почину хозяйственных кругов было создано Акционерное Общество Российского Добровольного Воздушного Флота «Добролет». Это Общество должно обещать в своей большой работе не только представителям торговли, промышленности и транспорта, но оно рассчитано и на широчайшую поддержку населения СССР.

Поэтому акции «Добролета» выпущены по цене доступной каждому. Первым параграфом Устава «Добролета» определены его задачи и его деятельность. Он следующий: «Целью Российского Общества Добровольного Воздушного Флота является развитие гражданского воздушного флота в пределах СССР — путем организации воздушных линий для перевозки пассажиров, почты, грузов, пу-



Гидростанция о-ва «Добролет» на реке Москве: взлет самолета с воды.

ный военный воздушный флот—это теперь понятно для всех.

Изводство аэро фото-съемок и других отраслей применения воздушного флота на основе отечественной промышленности



Аэро-фото-съемка. Снимок с самолета части г. Москвы в районе Страстной площади.

Устав Общества утвержден 30 IV 1923. В настоящем году «Добролет» расширяет свою деятельность организацией новых воздушных линий.

В Туркестане открываются две линии Ташкент — Верный и Бухара — Хива.

Весною предполагается организация воздушного сообщения по побережью Крым Евпатория — Севастополь — Ялта.

Кроме воздушной линии «Добролет» организован Отдел воздушной съемки.

Несмотря на короткий срок акционерный капитал Общества, составляющий 5.000.000 рублей, уже покрыт почти наполовину; тот интерес, который проявляет масса к «Добролету», позволяет надеяться, что полностью весь капитал будет реализован в текущем 1924 году.